Стенограмма речи [В. Е. Сержанта] на собрании владивостокских партизан и красногвардейцев, 1932 год (Окончание)

doi: 10.24866/2542-1611/2017-3/121-127

Простояли мы на прикрытии Казакевичевской переправы около месяца до заключения перемирия с японцами. Все это время у меня прошло в непрерывных разведывательных поисках в сторону г. Хабаровска. Отряд по численности был невелик и прямого нападения на японцев не производил, а выискивал все время возможности нанесения удара [по] противнику в открытом поле, без потерь для себя. Японцы же наученные горьким опытом, также не имели желания входить в боевое соприкосновение с нами, вследствие чего, несмотря на неоднократные попытки, нам ни одного раза не удалось отрезать, хотя бы японскую разведку, которая появлялась и быстро исчезала. Единственно, что нам удалось за этот период сделать – это захватить японских проводников – белых казаков, которые имея связь в станице Казакевичи, со своими родственниками, собрали все сведения о нашем отряде и даже начертили план нашего расположения и местонахождение пушки. Однако, передать японцам эти сведения нам не удалось, т.к. в одну из моих разведок, когда они должны были соединиться с японской разведкой, в станице... в верстах 10-ти от станицы Казакевичи вниз по реке Уссури, они были захвачены на лодке при попытке удрать. Их попытка не удалась, т.к. лодка была затоплена нашим ружейным огнем, а они все перебиты. С них было снято все оружие и взяты все документы. После этого случая, харбинские белогвардейские газеты извещали о панихиде по зверски погибшим от рук варваров, казакам.

Партотряды, переправлявшиеся через Уссури и Амур в Амурскую область, в зависимости от своей численности, не хотели никого признавать и каждый проходивший отряд игнорировал местную комендатуру и распоряжался по-своему. Один из вольно солидных партизанских отрядов подобного типа был тунгусский отряд под командованием тов. Шевчука. Шевчук до перевода в Амурскую область, не подчинился командованию Хабаровского боевого участка. В отряде развилось пьянство, застрельщиком которого был сам командир. Когда же командование ставило вопрос о принятии мер против Шевчука, то он сумел подслушать телефонный разговор уполномоченного штаба фронта тов. Лободы и вместо того, чтобы изменить положение в своем отряде и изжить анархию, он решил предпринять меры против командования и арестовал т. Лободу, как контрреволюционера. После ареста, т. Лобода был избит т. Шевчуком и фактически ограблен. Шевчук отобрал у него даже часы, которые присвоил себе. Командование было бессильно, никакого влияния на Шевчука оказать оно не могло, военно-репрессивных мер также предпринять не су-

Окончание.

Начало см. Известия
Восточного института,
2014, No 2. С. 101–116;
2015, No 1. С. 79–91;
2016, No 4. С. 125–132;
2017, No 1. С. 94–107;
2017, No 2. С. 112–123.

Публикацию подготовили:

В. Н. Караман,
электронная почта:
karaman-v.n@mail.ru;
Я. А. Барбенко,
электронная
почта: prohist@narod.ru

мело и занималось тем, что старалось всеми правдами и неправдами выручить т. Лободу. Прибывший в отряд Шевчука тов. Слинкин И. В. также находился в положении арестованного. Ревштабу с большим трудом удалось выручить т. Лободу под тем предлогом, что постольку поскольку т. Лобода является преступником, то его необходимо направить в Ревштаб для предания суду. Шевчук на это согласился и выдал т. Лободу Ревштабу, благодаря чему Лобода до сих пор носит голову на плечах.

Мне на переправу было передано распоряжение о необходимости наказания Шевчука. Было сообщено, что Шевчук чуть ли не объявлен вне закона, кем это было передано и как, на сегодня не помню. Получив эти сведения, я со дня на день ждал прибытия отряда Шевчука на переправу со своими хлопцами и приготовился к встрече. Я поставил два пулемета над пристанями и поручил т. Бутович спустить на берег только Шевчука, а остальной отряд задержать на судне. Шевчука же доставить ко мне в штаб. Отряд Шевчука прибыл в полдень на одном из пароходов, название которого не помню, и как обычно в таких случаях, вышел Шевчук и за ним целая гурьба его хлопцев. Тов. Бутович предложил всем, за исключением Шевчука, вернуться на борт судна. Шевчук и его хлопцы видя, что с ними говорят всерьез не посмели не подчиниться. После этого тов. Бутович пришел с Шевчуком в штаб. Здесь я Шевчуку задал ряд вопросов, на которые он ответил чрезвычайно дерзко. Но беседуя с ним продолжительное время и задавал ему вопросы, на которые он не имел возможности отвечать уклончиво, я привел его к полному осознанию, что его действия в отношении командования были контрреволюционными, грабеж вещей т. Лободы и присвоения себе является мародерством. Тот и другой поступок в момент революции, наказываются смертью. Тов. Шевчук не зная, чем для него кончится наш разговор, впал в уныние и указал, как на смягчающую вину обстоятельство, что он несмотря на то, что в данном случае допустил ошибку, совершил проступок, что он мол-де, вывел с боем отряд от японцев и спас артиллерию. Я ему на это указал, что этот мотив не может служить оправданием его проступка, потому что его действия чрезвычайно вредны и опасны для боевого времени. Однако, не решив самостоятельно вопроса судить Шевчука военно-революционным судом или нет и считая, что тов. Шевчук является партизанским командиром, который не остается на территории Приамурья, а переправляется в Амурскую область, где имеются достаточные силы и сильная организация, которой Шевчук не посмеет не подчиниться и в то же время учитывая, что он в дальнейшем может принести большую пользу, я решил его освободить и немедленно отправить через переправу, что ему и объявил. После предложения отправиться на судно и отбыть в Амурскую область, тов. Шевчук ушел из штаба. И я на сегодняшний день не жалею, что поступил так, а не иначе, потому, что в дальнейшем тов. Шевчук оправдал мою надежду.

После заключения перемирия с японцами, мною был получен приказ от Хабаровского боевого участка сняться с прикрытия переправы и отправиться в долину реки Ваки, в село Ракитное для организации отдельной боевой части. Туда я и прибыл 3 или 4 июня 1920 г. Здесь была проделана большая организационная работа: старший возраст был распущен по домам, оставлена только молодежь из бывших регулярных частей, партизаны же по желанию были оставлены

и старших возрастов командиры партизанских отрядов командовали ротами вновь организованного Ракитинского отдельного стрелкового батальона. Из солдат регулярных частей были также созданы боевые единицы, но организация сразу же натолкнулась на анархию: никто не хотел подчиниться командованию батальона. Благодаря принятию организационных и репрессивных мер – это было изжито. Отдельные партизанские командиры не только сами не хотели одеть форму, но и на своих бойцов, считая зазорным для себя одеть кокарду и нарукавные нашивные знаки, но этого требовала жизненная необходимость, т. к. официально мы считались Болдыревской частью и из Владивосток[ск]ого штаба Болдырева, получали денежные средства, обмундирование и проч., но фактически все бойцы батальона воспитывались в советском партизанском духе, и эта часть людей в любой момент могла быть двинута против интервентов и против штаба командующего Болдырева. Но для этого приходилось играть игру.

Другим злом во вновь организованном батальоне было пьянство, в особенности в конном эскадроне – пьянствовали бойцы и политсостав, на этой почве больше всего причинял нам хлопот конный эскадрон, который служил плохим примером для других частей батальона. Числа 20 июня пьяные бойцы, фамилии коих не помню, не подчинились приказанию политуполномоченного, избили его физиономию, оседлали коней и с оружием удрали по направлению Имана. Организация решила этот проступок для примера другим не оставлять безнаказанным. Вдогонку убежавшим конникам был послан военком эскадрона с несколькими партизанами. Захватив конников на пути к Иману он доставил их мне. Я в это время был комендантом военного района и начальником комендантской команды, которая состояла из бойцов моего отряда. Мой отряд был достаточно дисциплинирован, и введение дисциплины в Ракитинском батальоне, главным образом опиралось на мой партизанский отряд. Приняв под стражу задержанных конников, я договорился с командованием батальона о назначении военно-революционного суда, но в батальоне, среди бойцов шли разговоры о том, что мы мол-де не дадим своих судить товарищей и если нужно будет, то отобьем их. Политуполномоченный батальона т.Светлов и командир батальона некто Шишмарев испугались, что конники могут быть отбиты и поручили военкому военного эскадрона взять ночью у меня арестованных, увести их в тайгу и расстрелять. Военком прибыл ко мне на Ракитинский хутор и передал распоряжение командования батальона о выдаче военкому арестованных. Передавая приказ, он разбудил меня не больше, как за час до рассвета. Приняв приказание я подумал о том, что подобный поступок со стороны командования, ни в коем случае не повысит его авторитета, а, наоборот, углубит рознь между комсоставом и рядовыми. Однако, не желая оказывать неповиновения распоряжению командования и желая выиграть время, я сказал политуполномоченному, что выдать ему арестованных, я не возражаю и предложил ему отправиться во 2-й взвод, где они находились под стражей – это почти километр от моей квартиры. Письменного распоряжения караульному начальнику я не дал, поэтому, когда военком эскадрона явился за арестованными, караульный начальник отказал ему их выдать. Пока военком спорил с караульным начальником, и наступил рассвет и приводить в

исполнение намеченное дело уже не представлялось возможным. Так военком уехал во-свояси.

Вслед за военкомом я отправился в село Ракитное к командованию батальоном, где жестко поставил вопрос о недопустимости таких действий со стороны командования и потребовал немедленно назначения военно-революционного суда. На их возражение, что сейчас это сделать нельзя, т.к. гарнизон может взбунтоваться и отбить подсудимых – я гарантировал им, что при прохождении суда на Ракитинском хуторе, я беру полную ответственность за спокойное прохождение суда и за ликвидацию любой попытки к возмущению.

Не помню сейчас числа, но суд состоялся на хуторе Ракитинском. Председателем суда был Игорь Сибирцев, фамилии других товарищей не помню. Для охраны суда мною был расставлен отряд с пулеметами. Суд длился недолго. Выступая в качестве обвинителя» считаясь с тем, что жертва в данном случае необходима, и что поступок был совершен бойцами, скорее всего, вследствие неправильной линии комсоства и учитывая, что они провинившиеся были отличными бойцами партизанами, – я решил не жертвовать двумя, а пожертвовать одним человеком. В своем последнем выступлении я просил суд, чтобы он приговорил обоих к расстрелу, но одного из них условно на год, с тем чтобы передали бы его мне в отряд для перевоспитания. Суд вынес приговор в полном соответствии с моим последним предложением. Приведение же приговора в исполнение никому из командования батальона поручить было нельзя и обязанность эту возложили на комендантскую команду. Беда была в том, что мы не имели отдельного арестного помещения и смертник, боевик-партизан находился все время в среде 2-го взвода комендантской команды. Ясно, что при таком условии, в эту ночь не спал и смертник и все бойцы 2-го взвода. Переговорено было очень много. Перед рассветом, рассчитывая произвести расстрел при помощи 2-го взвода, но учтя, что он в тот момент, для этой цели был непригоден – смертника пришлось передать 1-му взводу. Но и тут положение было неважное. Однако, приведение приговора в исполнение нужно было обеспечить во что бы то ни стало. В случае срыва грозила опасность развития еще большей анархии в батальоне и полной потери авторитета командования. Учитывая это положение, я не поручил командирам взвода приведение приговора в исполнение, а вместе со всем взводом и со смертником отправился к месту казни сам. Когда смертник был поставлен к месту и взвод выстроен, раздались истерические выкрики нескольких партизан; мы стрелять не можем и не будем. Положение создалось критическое. Я мгновенно подал команду; взвод смирно, вынул кольт и сказал, что если кто-либо позволит еще сказать хоть одно слово или не выполнит моей команды, то будет убит на месте. Благодаря быстрому приказанию и уверенности в том, что мои слова не являются пустым разговором, – партизаны по моей команде «пальба шеренгой!» выстроились в одну шеренгу и строго по команде дали залп. Моральное состояние было чрезвычайно тяжелое. Я лично и партизаны взвода никогда не убивали людей беззащитных и безоружных. Мы все как один, являлись бойцами достаточно закаленными в боях с вооруженным противником.

Некоторое время – его измерить невозможно, мы стояли, как загипнотизированные. Придя в себя я отдал приказание вырыть мо-

гилу. Могила была вырыта и расстрелянный партизан похоронен. Молча, не говоря друг другу ни слова, мы проследовали обратно по своим местам.

Этот расстрел для Ракитинского батальона, в смысле восстановления дисциплины, сыграл решающую роль. Больше ни разу нам не приходилось прибегать к подобным мерам. Батальон, благодаря проведенной огромной организационной работе и расстрелу стал одной из лучших частей советской власти в Приморье.

Вводя дисциплину, мы говорили своим бойцам: имейте ввиду, мы являемся партизанами, а в Приамурской области действует народная революционная регулярная армия, которая обладает сознательной железной военно-революционной дисциплиной. С этими войсками нам скоро придется соединиться, и, если мы не подтянемся, то нам стыдно будет с ними встретиться.

Бойцы подтянулись, чтобы при слиянии с регулярно-народно революционной армией, не ударить в грязь лицом.

Соединение с амурскими частями произошло, приблизительно в октябре или ноябре 1920 года в г. Хабаровске. Нужно сказать, что наш командный и политический состав, в том числе и я, были разочарованы встречей с регулярными частями, потому, что то, что мы ожидали найти: выдержанность, дисциплинированность и проч. неременное приложение к бойцу – мы этого не нашли в Амурской армии.

Через некоторое время, после соединения с регулярными частями, я был направлен Штабом Амурских войск в Ольгинский район со специальным заданием организовать боевые крестьянские дружины. Туда я прибыл, приблизительно, в половине ноября 1920 года, где я влился в Ольгинский отдельный стрелковый батальон, которым командовал Степан Глазков. Мне в батальоне была отведена роль командира конной и пешей разведки, начальника комендантской команды и председателя Военно-революционного суда. В Ольгинском батальоне царил анархия, дисциплина была ниже всякой критики. Товарищ Глазков, будучи одним из лучших боевых партизанских командиров, не смог справиться с этим батальоном. Находясь в Ольге, он у себя дома допустил пьянство. Пьянствовал он – командир батальона, пьянствовал его помощник т.Зайцев, пьянствовали и ротные командиры. При этом, некоторые разбазаривали муку и фонды питания батальона. С моим прибытием была сейчас же организована гауп[т]вахта, куда я при помощи своей комендантской команды водворял всякого выпившего и провинившегося. Пришлось вести борьбу и с комсоставом, из которого тоже кое-кого приходилось садить на гауп[т]вахту. Репрес[с]ии вызывали недовольство в батальоне. Главным руководителем этого недовольства был комсостав, который считал пьянство вполне закономерным явлением. Сам тов. Глазков несколько раз под пьяную руку производил ночные тревоги, чем дискредитировал командование батальона и партийную руководящую часть. Пришлось путем шифрованной телеграммы, перед Приморским областным партийным руководством т.т. Пшеницыным и Ильяховым поставить вопрос о необходимости замены т. Глазкова. В ответ была получена шифровка т. Пшеницына о смещении с должности командира батальона я, посоветовавшись с партийной частью, в частности с чрезвычайным уполномоченным областной парторганизации т. Наумовым Николаем, дал шифровку о целесообразности

назначения меня командиром батальона и выдвинул кандидатуру т. Назаренко, моего бывшего помощника по командованию партизанским отрядом. Тов. Пшеницын на это согласился, подтвердив свое согласие шифрованной телеграммой.

Я очень рьяно принялся наводить порядок в батальоне и однажды направил на гауп[т]вахту 3 или 4 бойцов батальона без арестной выписки. Чрезвычайный уполномоченный т. Наумов, желая проявить революционную законность, хотел посадить меня за нарушение правил ареста на гауп[т]вахту, вместе с сидящими там арестованными мною пьяницами и другими, совершившими подобные же проступки. Разговор с т. Наумовым происходил в Штабе и я сказал, Наумову, что если я сделал дисциплинарный проступок, то это еще не значит, что он имеет право дискредитировать меня сажая вместе с другими арестованными на гауп[т]вахту. Я предупредил его, что если он это сделает, то я как революционер подчинюсь в данном случае, но в дальнейшем организация потеряет меня, как работника, потому, что после такого отношения ко мне, я должен буду уйти из района.

Мой арест не состоялся и я работал по прежнему. Было произведено следствие по пьянке комсостава и разбазариванию муки, а также проведен ряд судебных заседаний. Помощник командира Зайцев и один из командиров роты (фамилии не помню) по приговору суда получили по 4 года заключения, а одному бойцу конного эскадрона был вынесен приговор о расстреле. Первые два приговора были утверждены чрезвычайным уполномоченным т. Наумовым, но третий приговор о расстреле т. Наумовым санкционирован не был. Причиной колебания т. Наумова был протест небольшой кучки ольгинских учителей (подлинник прилагаю), сама редакция которого показывала полное убожество писавших протест и вызывала у меня только смех. Суд же, вынося приговор о расстреле, имея над собой еще одну дистанцию, имел в виду замену наказания и рас[с]читывал, главным образом, не на выполнение приговора суда, а на моральное его воздействие на остальную массу. Когда мы после суда пришли вместе с т. Наумовым на квартиру, он мне еще раз сказал, что приговора не утвердит. Я же пошутил, что пока он утром проснется приговор уже будет приведен в исполнение. Боясь, что я это выполню и дорожа жизнью партизана, как оказалось после – тов. Наумов, чтобы помешать приведению в исполнение приговора, не спал всю ночь. Эта его отличительная черта. Тов. Наумов примкнул к моему отряду, после разгрома нас японцами с 4-го на 5-е апреля, по пути следования накрытие Казакевичевской переправы и оказал мне огромную помощь в организационном и моральном воздействии на партизан. Сам он особенно не выдвигался, исполняя обязанности рядового партизана и лишь только по прибытии в село Ракитное, выдвинулся на соответствующую руководящую работу.

Приговор остался в силе, но условно на год, и осужденный партизан продолжал свою службу по прежнему.

Наводя порядки и укрепляя дисциплину внутри Ольгинского батальона, я одновременно выполнял задание Амурского командования - организовывал боевые крестьянские дружины по побережью, для чего зачастую использовал партизан своего отряда, которые по моим заданиям разъезжали по побережью. Все задания Амурского командования мною были выполнены. После этого я получил рас-

поражение от командования Ольгинского района выехать в Тетюхэ и подчинить оставшихся там партизан командованию батальона. До этого времени Тетюхицы не хотели подчиняться командованию. Основным разногласием между Тетюхинскими партизанами и командованием Ольгинского батальона было требование командования – сдать батальону два кольтовских пулемета, находившихся у тетюхинских партизан. Партизаны же испытав на опыте всю тяжесть гражданской войны без оружия, протестовали против передачи пулемета и настаивали на оставлении пулеметов в Тетюхэ, как в крупном рабочем центре данного района.

В Тетюхэ я выехал с 10-ю всадниками. По прибытии, я собрал всех партизан и из беседы с ними выяснил, что они вовсе не собираются противопоставлять себя Ольгинскому командованию, но настоятельно просят не оставлять их безоружными и только в крайности, если после моих переговоров с командованием, последнее будет настаивать на своем требовании, они подчинятся. Переговорив с Тетюхинскими партизанами, я по телефону из Тетюхэ договорился с командованием батальона, которое дало согласие на оставлении пулеметов в Тетюхэ.

Правильность этого решения батальонного командования была подтверждена дальнейшими событиями. При каппелевском выступлении, каппелевский десант захватил весь Ольгинский батальон врасплох, нанеся ему крупные потери, захватив много имущества, вооружения и снаряжения, Тетюхинский же партизанский отряд, несмотря на свою малочисленность, так как большинство находилось в Ольге – с честью встретили каппелевцев, нанося им серьезный урон и не допустив к высадке в Тетюхэ.

Приблизительно в начале ноября мес. 1920 года, у нас по побережью и в частности в Ольге происходили выборы в Учредительное Собрание Дальневосточной республики, В числе членов Учредительного Собрания был избран и я от гор. Ольги и от окружающих сел. В феврале месяце 1921 года, я выбыл из Ольги в Читу. Благодаря посылки меня в Читу, я был оторван от партизанских отрядов и после первой сессии Учредительного Собрания, тогда как другие товарищи вернулись по своим местам, я был задержан в Чите Дальбюро ЦК ВКП(б) на ответственных должностях. Остальные события и бои в Приморье за Советы происходили в моем отсутствии, В Приморье я получил возможность вернуться лишь после занятия Владивостока Народно-революционной армией.

Конец